
ФИЛОСОФИЯ: МИР В ЧЕЛОВЕКЕ И ЧЕЛОВЕК В МИРЕ PHILOSOPHY: UNIVERSE IN HUMAN AND HUMAN IN UNIVERSE

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2025. Т. 12. № 1. С. 58–66.

Economic and Social Research. 2025. Vol. 12. No. 1. P. 58–66.

Научная статья

УДК 1(091):316 + 130:17

DOI: 10.24151/2409-1073-2025-12-1-58-66

EDN: FTOEKN

Парадигма экономической традиции Никейской империи и духовные традиции российского социума: политико-философский аспект

М. А. Елдин¹, А. В. Захаров²✉, А. А. Гусев³

^{1, 2, 3} Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия

✉ 89272747077@bk.ru

Аннотация. Рассмотрена проблема генезиса российской традиции философии хозяйства. Специфика регионального фактора развития Никейской империи проанализирована в парадигме византийской традиции. Постулирована важность современных византологических исследований. Отмечена уникальность и актуальность реконструкции правления и философских традиций эпохи Ласкарисов, поскольку в византийскую эпоху средневекового периода Никейской империи (периода правления первой династии императоров) имели место распространение как естественно-регенерационной (восстановительной) парадигмы культурного единства, так и систематизирующий подход с явно консервативными тенденциями, который был унаследован российской философской мыслью и практиками хозяйствования.

Ключевые слова: византизм, экономический порядок, философия, традиция, регулирование, социум, Ласкарисы, империя, славяне, религиозность, социум Никейской империи

Для цитирования: Елдин М. А., Захаров А. В., Гусев А. А. «Парадигма экономической традиции Никейской империи и духовные традиции российского социума: политико-философский аспект». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 12.1 (2025): 58–66. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-1-58-66> EDN: FTOEKN

Original article

Paradigm of the economic tradition of the Nicene Empire and the spiritual traditions of Russian society: Political and philosophical aspect

M. A. Yeldin¹, A. V. Zakharov²✉, A. A. Gusev³

^{1, 2, 3} Ogarev National Research Mordovian State University, Saransk, Russia

✉ 89272747077@bk.ru

Abstract. In this work, the problem of the genesis of the Russian tradition of philosophy of economy is considered. The specifics of the regional factor of the Nicene Empire's development are analyzed in the paradigm of the Byzantine tradition. The importance of modern Byzantine studies is postulated. The uniqueness and relevance of the reconstruction of the government and philosophical traditions of the Lascaris era have been marked, since in the Byzantine era of the medieval period of the Nicene Empire (the period of the reign of the first dynasty of emperors), there were both the natural regeneration (restorative) paradigm of cultural unity and the systematizing approach with clearly conservative tendencies, which was inherited by Russian philosophical thought and economic practices.

Keywords: Byzantinism, economic order, philosophy, tradition, regulation, society, Lascaris, empire, Slavs, religiosity, Nicene Empire society

For citation: Yeldin M. A., Zakharov A. V., Gusev A. A. "Paradigm of the Economic Tradition of the Nicene Empire and the Spiritual Traditions of Russian Society: Political and Philosophical Aspect". *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya = Economic and Social Research* 12.1 (2025): 58–66. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-1-58-66>

Введение

Несмотря на то, что разработка вопроса гуманизма в византиноведческой науке ведется уже многие годы, проблема византийского гуманизма в истории культуры остается спорной и сложной. В западной литературе даже дебатировался вопрос о правомерности самого понятия «византизм», однако мыслители Византии до сих пор обогащают нас идеями и предпосылками философской теории духовных ценностей, раскрывая их природу и значение в общественной жизни.

Согласно их воззрениям, решающая роль в истории принадлежит человеку — носителю разума и истины, — и лишь во вторую очередь божественному провидению. Идеи византийских мыслителей были предвестником секуляризации общественной мысли и «обмирщения» понимания смысла ис-

тории. Человек-герой поздневизантийского общества оказывался во главе исторических процессов. Вместе с тем отход византийских мыслителей от обобщенно-спиритуалистического восприятия действительности, хоть и освобождал бытие от метафизических предпосылок, не явился универсальным ключом к пониманию мира. Соответственно, в поздневизантийской картине мира человек есть актор исторического процесса, суть и смысл которого скрыт от действующего субъекта.

Влияние духовных ценностей на экономику и культуру православной цивилизации, на наш взгляд, необходимо изучать с применением герменевтического подхода к рассмотрению символизма византийских текстов. Раскрытием семантических пластов этой символики занимались мыслители

византийского периода, а также деятели культуры последующих эпох. Идеи византийских ученых, кроме того, послужили началом для последующего становления научных концепций, в которых социальное (и экономическое) поведение объясняется среди прочего через духовные ценности. Эти концепции составляют методологическую базу данного исследования.

Предпосылки развития идей о духовных ценностях были заложены еще в трудах древнегреческих мыслителей — Сократа, Платона, Аристотеля, Гераклита, Зенона Элейского, Эмпедокла. Согласно Платону, вечные идеи являются традиционной составляющей системы ценностей общества и основой социального развития. Большой научный интерес к проблематике духовных ценностей разных направлений науки выявлен нами на основе исследования взаимосвязи аксиологических концепций и теорий византизма в трудах: А. Гийу, З. В. Удальцовой, С. П. Карпова, П. И. Жаворонкова, С. А. Иванова, Т. В. Куш, Э. Калделис и др. Теоретические аспекты ценностей культуры социума глубоко раскрыли следующие ученые: Л. В. Буева, В. С. Барулин, М. Н. Громов, В. П. Зинченко, Л. Н. Столович, В. В. Ильин. Сегодня в качестве основных проблем для изучения дискутируются вопросы анализа, в основных чертах, учения о преемственности в российской и византийской традициях и идеологии регионального экономического порядка.

Христианство было основой мировоззрения и византийского, и европейского обществ. Однако единая христианская церковь претерпела раскол, который привел к образованию двух конфессий: католицизма и православия. Никейская империя (1204—1261) развивалась в традициях византийского наследия, к элементам которого относятся: сохранение и приумножение культурного наследия, международное сотрудничество во всех сферах общественной жизни, роль образования в реализации системы ду-

ховных ценностей, достижения науки, организующая роль государства, функционирование правовой системы, создание условий для творческой реализации личности. Еще в дореволюционной традиции российской историософии К. Н. Леонтьев отмечал, что для россиян византизм также был структурообразующим началом системы ценностей: «Византизм организовал нас, система византийских идей создала величие наше» (Леонтьев, 2007: 57). Ценности, определяющие экономические отношения и функционирование экономических институтов, а также системы управления обществом, не являются исключением. Идеи византизма актуальны, а ценности продолжают влиять на развитие российского общества и его благополучие (Удальцова, 1988: 9).

Никейская империя как центр греко-православной модернизации византийского мира

Центром Никейской империи был древний город Никея (ныне турецкий Изник), где когда-то проходили Вселенские соборы православной церкви. В этом городе жили и трудились духовные деятели, ученые, поэты, художники, музыканты и политическая элита (Удальцова, 1988: 191). По замечанию российского ученого Г. Л. Курбатова, к указанному периоду значительные средства позволили императорам Никеи «содержать постоянные наемные отряды, находившиеся под командованием великого коннетабля. Опираясь на них, можно было сдерживать и устремления феодалов. Всё это позволило Никее выиграть борьбу за „византийское наследство“» (Курбатов, 1984: 173).

В рассматриваемый период греки и славяне пытались обозначить свои политические позиции и притязания в регионе православной ойкумены Евразии. В этом контексте можно рассматривать и стремление восточных элит к восстановлению морального престижа идеологии Второго Рима

посредством поддержки искусств и философии. По словам выдающегося российского византиниста XX столетия академика З. В. Удальцовой, Иоанн III Дука Ватац (1222—1254) был самой выдающейся личностью на никейском престоле, поскольку «был щедрым покровителем наук и искусств, стремился к возрождению эллинской культуры предков» (Удальцова, 1988: 193).

В построении мировоззренческих концепций византийцы широко использовали античные идеи, поскольку древность для представителей средневекового гуманизма была большим, нежели объект познания: античный мир виделся им как великая старина, Золотой век, ценность которого абсолютна и сохраняется как ценность настоящего (Hunger, 1965: 358). Поздневизантийские мыслители полагали, что социальные отношения и определяющие их потребности акторов являются не универсальной, но инструментальной системой координат бытия для осмысления и оценки этих отношений. Соответственно, классическая древность долгое время служила опорой для византийского мировоззрения, а современная действительность стала в поздний период пониматься как его регулятор.

Материальное культурное наследие Византийской империи почти не дошло до наших дней (многочисленные войны, нашествия, социальные и природные катаклизмы стерли его с лица земли), однако нематериальное наследие византийской цивилизации, в частности уважение к знаниям и учености, стало основой никейской цивилизации: «В Никее окрепли основы того энциклопедизма, который был характерен для византийской культурной элиты конца XIII — начала XV столетий, превращал ее представителей в несравненных знатоков античного наследия, тонких исследователей античных текстов» (Venakidis, 2002: 283). Одним из выдающихся деятелей никейского периода также был Никифор Влеммид (1197 — ок. 1272).

Император Иоанн Ватац поручил Влеммиду найти и собрать в архивах монастырей и скрипториев античные рукописи и фолианты. В процессе научного поиска Никифор Влеммид пересек Фракию, Македонию, бывал на Афоне и в Фессалии. По возвращении Влеммид стал воспитателем наследника императора — Феодора, в поздние годы он основал свою школу.

По верному наблюдению К. В. Хвостовой, гуманистическая тенденция уважения к книжной грамоте пронизывала все аспекты культурного бытия византийского мира: «В Византии в рамках гуманизма развивалась достаточно сильная рационалистическая тенденция, состоявшая в признании возможностей разума в приближении к абсолютной истине. Идеи эти выражены у Иоанна Итала, Михаила Пселла, Варлаама, Никифора Григоры, Димитрия Кидониса и др.» (Хвостова, 2009: 77).

Социокультурные тенденции XI — XIII вв. к началу XIV в. постепенно оформились в поздневизантийскую культурную парадигму, которая стала своего рода мостом между античной и святоотеческой традицией, с одной стороны, и светскими и духовными практиками византийского общества, с другой. В то же время в новой культурной парадигме, в которой сочетались многие элементы эллинизма и христианства, гуманистическая компонента, вобравшая в себя античные идеи, в мировоззрении и философско-богословской деятельности византийских интеллектуалов постепенно вытесняла раннее ортодоксальное христианство.

Одним из элементов этой парадигмы стала критика лицемерного аскетизма, которая осуществлялась с разных позиций. Так, митрополит византийских Фессалоник XIII в. Евстафий Солунский, критикуя монахов, отмечал нарушения благочестия и даже аморальное поведение монашествующих. Последователь традиции св. Фотия Великого, Евстафий нацеливал свою критику

и на другие аспекты жизни XII в.: будучи гуманистом, он отмечал пренебрежение монахов к учености и поклонение мракобесию; имея духовный сан, отмечал оставление подвижничества и увлечение хозяйственной деятельностью (его возмущало, что монахи привлекают в монастыри послушников, обещая неопитам «спасение без пота»).

Одним из наиболее влиятельных комплексов идей византизма долгое время оставались эсхатологические; при этом в условиях усиления внешних опасностей и угроз их актуальность и влияние на поведение акторов социальных отношений усиливалось (Hunger, 1965: 359). Вместе с тем поздне-византийский интеллектуализм, опираясь на античное наследие, стал отводить Промыслу Божию относительно незначительную роль, а христианская, уходящая к наследию Средневековья, антиномия Промысла Божия и свободы воли в гуманизме была переработана в инновационную форму представлений о нравственной значимости общественного опыта и о возможности предвидения человеком действия соответствующих закономерностей. Тем самым в этике гуманизма произошла переоценка (в сторону снижения) значения божественного предопределения, в то же время была переосмыслена судьба (Тиха), которая разрывала в учениях гуманистов отношения между существующим «самим по себе» бытием и становлением, развитием, непрерывным изменением общества. Представление о свободной творческой инициативе индивида и ее продуктивных возможностях восходит к идее об изменчивости и судьбе, которая сковывает действия и проявления воли человека, но не предопределена им, как божественное предопределение. Мыслители исходили

из принципа взаимодействия — синергии — божественной и человеческой воли. Поэтому в западном христианстве спасение — это оправдание и раскаяние перед Богом, а на Востоке — слияние с Богом.

Характерной чертой поздневизантийской — гуманистической — традиции был также индивидуализм — обращенность к человеку, его внутреннему миру. У гуманизации социокультурных отношений и обращенности к человеку были и объективные причины, имевшие политическую природу: охрану рубежей Никейской империи осуществляли опиравшиеся на государственную поддержку свободные крестьяне Вифинии и воины-крестьяне пограничных поселений (акриты). По словам Г. Г. Литаврина, «Никейская империя унаследовала наиболее богатые и плодородные районы Малой Азии. Здесь, на восточных границах нового государства, находилась мощная система пограничной обороны Византии, заложенная еще при Комнинах» (Литаврин, 1967: 32).

На фоне укрепления патриотического единения жителей Византии, с одной стороны, и общего кризиса аксиосферы православной цивилизации, с другой, возрастало идеологическое влияние на социум византийской церкви. Повседневные практики византийцев, исповедовавших православие, благодаря бесшовному сочленению религиозного и секулярного как бы попадали в сферу религиозного опыта. Отправление государственной власти, в том числе императором, не было исключением. Так, император Федор II Ласкарис, ученик гуманиста Н. Влеммида, в труде «Экономия» утверждал, что идеальный правитель — это правитель, приятный Богу¹ (поэтому все дискуссии философов о качестве монархов можно счесть

¹ В православной традиции власть монарха легитимирована божественной природой самой власти; согласно идеям раннехристианских мыслителей, политическая власть восходит к высшему началу. «Слушайте, цари, и разумеите, научитесь судьи концов земли! От господана дана вам держава, и сила — от Вышнего, Который исследует ваши дела...» — вещает царь Соломон (Прем.6:1,3). «Нет власти не от Бога...» — говорит ап. Павел (Рим.13). Исходя из этого, император подражает Богу, имеет достоинство живого закона и обязан заботиться о своих подданных, ибо Небесный Отец любит нас (Ин.3:16) и заботится о нас.

бессмысленными), однако в человеческом измерении монарх должен обладать мудростью и ученостью.

Позднее, в эпоху правления западнотрихских Палеологов, социальные и культурные практики интеллектуальных элит византийского общества (претендовавших на гармоничное, но более чем когда-либо полное соединение эллинизма и христианства), постепенно приводили к разрушению некоторых элементов православной традиции поздневизантийского государства. В период правления Палеологов унионизм (политика заключения уний между православными и католиками) стал одной из форм «управления различиями» в рамках палеологовской политики мультикультурализма и мультиконфессиональности (Удальцова, 1988: 128). В этот период социокультурной основой развития общества стали универсалистско-соборные идеалы (сочетавшие в себе ценности преемственности традиций и стремление к инновационным преобразованиям) и «разрозненные элементы византизма» слились «во что-то целостное и органическое» (Гийу, 2005: 98).

Влияние духовных ценностей на экономическую жизнь византийцев

В Никейской период значительно возросли роль и престиж греческих и римских экономических традиций, а участники экономических отношений считали себя хранителями древнего опыта регулирования экономической жизни и порядка (таксиса). Так, видный представитель никейской элиты Иоанн Ватац стремился к тому, чтобы строить экономическую политику в Малой Азии на основе государственного протекционизма, прагматизма, эффективного управления ресурсами².

Универсальные ценности производственной культуры античности воплоща-

лись во многих аспектах хозяйственных отношений: ценность пользы — в стремлении хозяйствующих субъектов к прогрессу; ценность красоты — в архитектурных стилях и модных тенденциях; патриотизм — в трудолюбии и стремлении к увеличению производительности труда. Ценности общинности, коллективизма и соборности, в определенной степени, воплощались в том, что византийские торгово-ремесленные круги организовывали эргастерии — мастерские, обеспечивавшие процесс производства товаров и услуг.

В экономической жизни Никейской империи большое значение имела деятельность самостоятельных хозяйствующих субъектов: купцов, руководителей «государевых хозяйств», крестьян-акритов, мещан. Однако возrastавшая ценность знаний, учености, профессиональных навыков не конвертировалась в доступность обучения и образования (они были высокого качества, но оставались платными), что, в свою очередь, затрудняло социальную мобильность низших сословий: ремесленников и крестьян.

Фигура никейского императора играла особую роль в экономической жизни общества: он не только определял экономическую политику, но также осуществлял духовнокоординирующую функцию, в силу того, что символизировал патриотическое единение, усилившееся во времена правления императоров из династии Ласкарисов. Представители этой династии способствовали институционализации элементов народной — плебисцитарной — монархии в систему государственного управления: решение многих экономических и политических задач никейского государства представители династии осуществляли при согласовании с мнением народа: никейские императоры устраивали

² Именно в этот период у субъектов хозяйствования возникло, а затем укрепилось представление о возможности эффективного управления сельским хозяйством даже в условиях негативных климатических факторов: засух и заморозков Анатолийского региона.

в городах нечто вроде «плебисцита» и референдумов для принятия основных экономических и политических решений. Эти практики, помимо прочего, способствовали расширению каналов вертикальной мобильности³.

Экономическая роль церкви была не столь существенна, как роль института императорской власти. В Западной Европе к XI в. церковь стала активным самостоятельным хозяйствующим субъектом и крупнейшим феодалом. В Византии же отцы католической церкви, опирая на «латинскую премудрость» римского права, а восточной — на неоплатонизм и греческую философию, уделяли больше внимания обсуждению онтологических (вопросам природы воли) и этических проблем, стремясь к доминированию в духовной, но не экономической сфере жизни общества.

В XIV — XV вв. система ценностей поздневизантийского общества подверглась деформации: неблагоприятная для усиления византийской государственности политическая конъюнктура и экономический кризис привели к некоторой «девальвации» традиционных и поиску новых ценностных опор общества. С XI в. наблюдался интенсивный поиск новых образцов социального поведения, фокус общественного внимания постепенно смещался от общины и государства к малой группе и индивиду, происходила секуляризация общественных отношений.

Заключение

Можно констатировать, что христианской духовности свойственен традиционализм. В византийском православии он был особенно последовательным. В никейский период (в период правления династии Лас-

карисов) экономические отношения являлись образцом гуманизации и локальной хозяйственной регенерации православного общества. Возрастание ценностей рационализма (учености и науки) приводило к трансформации традиционной системы духовных ценностей византийского общества. В эпоху Палеологов в мировоззрении византийцев элементы христианского учения о сакральной структуре мироздания замещались новыми — гуманистическими — этико-мировоззренческими представлениями⁴.

В начале XV в. резко усилилось влияние западной системы ценностей на нравы и мировоззрение византийцев. Столкновение западной и восточной систем ценностей, в частности, выразилось в идейном противостоянии пролатинской и православной партий, обострившемся в византийском обществе в XIV в. Однако неофициальное общение с западными гуманистами, переводы классиков латиноязычной литературы, заимствования аргументов западной схоластики в богословских спорах с исихазмом постепенно утвердили в сознании части гуманистов Византии возможность перехода в католическую традицию. Духовная сфера поздневизантийского периода имела и другие особенности: по мере ухудшения внешнеполитической обстановки в оценке истории разрастались пессимистические мотивы. В византийской историографии XIII — XV вв. формой выражения этого пессимизма стала античная теория циклизма.

Вместе с тем византизм еще длительное время продолжал выполнять свою историческую миссию, которая выразилась в экономическом, политическом и культурном влиянии на жизнь народов юго-восточной Европы (болгар, сербов, румын) и русских,

³ См.: *Византийские историки, переведенные с греческого при С. Петербургской духовной академии*. [Вып. 10]. *Летопись великаго логофета Георгия Акрополита*. Пер. под ред. бакалавра И. Троицкого. СПб.: в Тип. Департамента уделов, 1863. 101.

⁴ В поздневизантийский период существовали формы отхода гуманистов от православной традиции: в частности, интеллектуалы латинофильствующего течения в гуманизме переходили в католицизм и возвращались к язычеству, образуя духовное движение неоязычества.

армян и грузин. Моральная таксономия православной культуры греческих царств и славян оставалась сильной и после политического падения Византии.

Выходя за пределы пространственно-временных коллизий, духовные религиозные ценности представляют собой объединяющую народ субстанцию, способную укрепить народный дух на основе вечных глубоко нравственных начал. Для Руси начало государственности было связано преж-

де всего с православными духовными ценностями. Найти оптимальный путь развития — это сложная и важнейшая задача человечества, в осмыслении которой необходимо конструктивно подходить к трудам всех исследователей, системно анализируя их и предлагая ценные идеи и концепции. В современной России XXI в. важно возрождение духовности через возрождение культуры в различных областях общественной жизни.

Список литературы и источников / References

- Гийу Андре. *Византийская цивилизация*. [Пер. с фр. Д. Лоевского]. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 545, [1] с.
- Guillou André. *La civilization Byzantine*. Paris: Arthaud, 1974. 620 p. (In French).
- Курбатов Г. Л. *История Византии: от античности к феодализму*: [учеб. пособие для вузов по спец-ти «История»]. М.: Высш. шк., 1984. 207 с.
- Kurbatov G. L. *The History of Byzantium: from Antiquity to Feudalism* : [study guide for universities specializing in history]. Moscow: Vyssh. shk., 1984. 207 p. (In Russian).
- Леонтьев К. Н. *Византизм и славянство*: сб. статей. М.: АСТ, 2007. 571, [1] с. EDN: QWOFIJ.
- Leontiev K. N. *Byzantium and Slavism*: collection of articles. Moscow: AST, 2007. 571, [1] p. (In Russian).
- Литаврин Г. Г. «Социально-экономический и политический строй Никейской империи, Эпирского царства и Трапезундской империи». *История Византии*. Отв. ред. С. Д. Сказкин. Т. 3. М.: Наука, 1967. 29—42. В 3 т.
- Litavrin G. G. “Socio-Economic and Political System of the Nicene Empire, the Kingdom of Epirus and the Trebizond Empire”. *History of Byzantium*. Publ. ed. S. D. Skazkin. Vol. 3. Moscow: Nauka, 1967. 29—42. (In Russian). 3 vols.
- Удальцова З. В. *Византийская культура*: монография. М.: Наука, 1988. 288 с. EDN: SFIGJD.
- Udaltsova Z. V. *Byzantine Culture*: monograph. Moscow: Nauka, 1988. 288 p. (In Russian).
- Хвостова К. В. *Византийская цивилизация как историческая парадигма*: монография. СПб.: Алетея, 2009. 206 с. EDN: QPKUAX.
- Khvostova K. V. *The Byzantine Civilization as a Historical Paradigm*: monograph. St. Petersburg: Aleteyya, 2009. 206 p. (In Russian).
- Benakis L. “Epilogue: Current Research in Byzantine Philosophy”. *Byzantine Philosophy and its Ancient Sources*. Ed. K. Ierodiakonou. Oxford: Oxford Up, 2002. 283—288.
- Hunger H. *Reich der Neuen Mitte: Der Christliche Geist der Byzantinischen Kultur*. Graz: Verlag Styria, 1965. 472 S. (In German).

Информация об авторах

Елдин Михаил Александрович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Национального исследовательского Мордовского университета им. Н. П. Огарёва (Россия, 430000, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1, ауд. 634), eldin1974@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-8734-0814.

Захаров Алексей Владимирович — аспирант кафедры философии Национального исследовательского Мордовского университета им. Н. П. Огарёва (Россия, 430000, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1, ауд. 634), 89272747077@bk.ru, ORCID: 0009-0000-7487-4964.

Гусев Александр Алексеевич — аспирант кафедры философии Национального исследовательского Мордовского университета им. Н. П. Огарёва (Россия, 430000, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1, ауд. 634), alexgusev09091991@gmail.com, ORCID: 0009-0001-6006-6760.

Авторский вклад

Елдин М. А. — администрирование исследовательского проекта; финансовое обеспечение; обеспечение ресурсами; научное руководство; изучение концепции; формализованный анализ; курирование данных; проведение сравнительно-исторического исследования; развитие методологии; подготовка начального варианта текста.

Захаров А. В. — администрирование исследовательского проекта; финансовое обеспечение; обеспечение ресурсами; сбор и обработка материалов; формализованный анализ; курирование данных; проведение сравнительно-исторического исследования; развитие методологии; представление данных в тексте; компьютерные работы; критический анализ и доработка текста.

Гусев А. А. — финансовое обеспечение; представление данных в тексте.

Information about the authors

Mikhail A. Yeldin — Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Professor at the Department of Philosophy, Ogarev National Research Mordovian State University (Russia, 430000, Saransk, Bolshevistskaya st., 68/1, rm. 634), eldin1974@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-8734-0814.

Alexey V. Zakharov — Postgraduate Student at the Department of Philosophy, Ogarev National Research Mordovian State University (Russia, 430000, Saransk, Bolshevistskaya st., 68/1, rm. 634), 89272747077@bk.ru, ORCID: 0009-0000-7487-4964.

Alexander A. Gusev — Postgraduate Student at the Department of Philosophy, Ogarev National Research Mordovian State University (Russia, 430000, Saransk, Bolshevistskaya st., 68/1, rm. 634), alexgusev09091991@gmail.com, ORCID: 0009-0001-6006-6760.

Author Contributions

M. A. Yeldin — administration of the research project; financial support; resource provision; scientific guidance; study of the concept; formalized analysis; data curation; conducting a comparative historical study; development of methodology; writing — preparation of the initial text.

A. V. Zakharov — administration of the research project; financial support; resource provision; collection and processing of materials; formalized analysis; data curation; conducting a comparative historical study; development of methodology; data representation in the text; computer work; writing — critical analysis and revision of the text.

A. A. Gusev — financial support; data representation in the text.

Статья поступила в редакцию 10.12.2024, одобрена после рецензирования 12.02.2025.

The article was submitted 10.12.2024, approved after reviewing 12.02.2025.